

6 МАЯ 1962

г. Душанбе

Газета №

ХРУПКАЯ и нежная Лейли в спектакле «Лейли и Меджнун» надолго запомнилась зрителям Москвы, когда они весной 1957 года заполнили зал театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Бурей оваций наградили зрители актрису, когда она — маленькая, казавшаяся такой беспомощной, — подняла руку с зажатым между тонкими пальцами кинжалом на Ноуфаля — нелюбимого жениха. Среди зрителей было много иностранных гостей, которые потом восторженно отзывались о талантливой таджичке.

С тех пор прошло несколько лет. Но Лютфи Захидова оставалась прежней — простой, скромной, трудолюбивой. Она знала, как важно балерине всегда быть в форме. А для этого надо трудиться, трудиться изо дня в день.

Свое светлое прекрасное искусство она несла всегда людям радостно, легко, но никто, кроме нее и тех, кто стоит рядом, у балетного станка, не знает, с каким трудом дается эта видимая легкость.

* * *

Я пришла в театр к одиннадцати часам. Захидова готовилась к очередному выступлению. Она репетировала «Умирающего лебедя» Сен-Санса. Балерина выглядела немного уставшей. Опустилась рядом на низенький диванчик.

— Это один из моих любимых концертных номеров, — сказала она. — В нем столько красоты, изыска, грации.

Мы сидели в одном из углов огромного репетиционного зала. Слышалась знакомая музыка Чайковского, недавние выпускники Ленинградского хореографического училища Малика Сабирова и Музаффар Бурханов репетировали «Лебединое озеро».

Лютфи не отрываясь смотрела на них. Казалось, она забыла о моем существовании, но потом вдруг обернулась ко мне и сказала:

— Талантливая балерина Малика. Я всегда с большим удовольствием смотрю на нее. И знаете, очень радостно, что в нашем театре сейчас столько одаренной молодежи.

В ГОСТЯХ У БАЛЕРИНЫ

— Лютфи, вы отдохнули? — спросил педагог.

Она извинилась и вышла на середину зала.

Это адажио она повторяла вновь и вновь. Отдыхала минут десять и опять начинала.

Я смотрела на нее и вспоминала все те образы, которые создала Захидова на сцене нашего театра — трепетную Одетту, темпераментную Эсмеральду, лукавую Шахерезаду, жизнерадостную Дильбар. И перед каждым спектаклем репетиции — длительные, упорные; настой-

чивое повторение одних и тех же движений, стремление к созданию гармоничного образа, прекрасного и возвышенного.

Труден день балерины. Он начинается с десяти утра. Час длится занятие по классике. После небольшого перерыва репетиция — до четырех часов дня.

Вечером спектакль. А если его нет — опять репетиция. И кажется, что совсем не остается времени для семьи.

Но Лютфи как-то умудряется найти это время. У

нее всегда готов обед, в квартире чисто и уютно, а младшая дочь Гульджахон — хорошая ученица в школе. И сегодня, когда, наконец, закончилась репетиция, Захидова заторопилась.

Вечером я зашла к ней домой. Вся семья собралась в столовой перед телевизором. Только старшая дочь Диловар осталась в своей комнате. Она учится на втором курсе медучилища и сейчас готовится к экзаменам.

В перерывах между передачами пили душистый чай, и Лютфи рассказала о своих

— Все равно. Расскажи, мам...

— Мы ездили туда прошлой зимой, чтобы выступить на всемирной выставке в Дели. А в свободные часы ходили по городу, знакомились с архитектурными памятниками. Кстати, в Дели я видела гробницу Зебуниссо.

— Мам, а почему она похоронена в Индии? Ведь она наша? — перебивает Гульджахон.

— Да, наша, — говорит Лютфи. — Но родилась в Индии. Там ее и похоронили.

И совершенно неожиданно начинает декламировать:

Где б на земле
ни разгорелось
бедствий пиршество,
Будь в разговоре

соловьем,
в пылании — мотыльком.

Лишь слабый

в пору бедствий и труда
вздыхает стон, —

Дел схожих

в мире нет, Махфи,
так будь же ты борцом.

Девочка, приклонив к спинке дивана, спала, Лютфи осторожно подняла ее на руки и отнесла в детскую.

Я заторопилась. Ведь завтра у нее опять трудный день.
Р. МАХМУДОВА.

НА СНИМКЕ: народная артистка СССР Лютфи Захидова.

Фото Н. ЧЕРНОГО.